

ВАЛЬТЕР ТЮМЛЕР ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЕНИЕ И ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

С поэзией Вальтера Тюмлера наши читатели могли познакомиться в двадцать втором номере "Цирка "Олимп". На этот раз мы представляем вашему вниманию Тюмлера-мыслителя, критика, философа и теолога одновременно. Настоящая работа была написана для научной конференции, посвященной вопросам поэтики и теологии, прошедшей в Минске в ноябре 1996 года.

Художественное творение, равно как и его возможное теологическое измерение, аналитически неисчерпаемо и не может быть познано адекватно. Меня, как человека, осознающего себя сочинителем стихов и к тому же религиозного, мысль об этом неравенстве не оставляет уже долгое время; противоречие, в нем заложенное, стало постоянным поводом для моих размышлений. Именно так, т.е. с поэтической позиции, наложившей отпечаток на все мое восприятие, я и хотел бы попытаться подойти к этой теме.

Св.Осьмачкина. Из серии "Жанровые сценки". Май 1995.

Прежде всего, зададимся вопросом: является ли вообще данная тема актуальной для сегодняшнего дня? Я полагаю, что да, поскольку связь между искусством и верой до сих пор практически не освещена, если же и освещена, то таким образом, что либо вера превращается в искусство (здесь можно вспомнить, например, немецких романтиков), либо искусство низводится до уровня морального трактата. Обе эти сферы, в их взаимодополняющем различии, еще ждут своего рассмотрения, я же сейчас смогу коснуться их только в общих чертах. Сегодня мне хотелось бы поразмышлять прежде всего о художественном творении и о том, что может в него привнести теологическое измерение, на что в нем воздействовать, что изменить.

Прежде, чем говорить о теологическом измерении, следует бросить взгляд на художественное творение как таковое. Как научил нас Хайдеггер, художественное творение - это "истина, положенная в творение". Это означает, что художественное творение обретает свою сущность из того, что оно - творение, причем интимнейшим образом связанное с истиной, в котором истина является, в котором она присутствует во времени и в пространстве. Но как вообще возможно художественное творение? Мы лишь потому можем создать художественное творение (таково мое теологическое убеждение), что еще до нас оно было увидено и произнесено Богом, потому что оно

принадлежит к домостроительству истины. В этом смысле наше творчество всегда вторично. Художественное творение можно описать с помощью структурных принципов, сформулированных Аристотелем применительно к трагедии. Это неузнавание (Verkennung), перелом, узнавание и катастрофа (Katastrophe). Оно состоит из завязки и развязки. Именно так должна быть составлена фабула (Fabel), которой художественное творение держится изнутри. Поскольку истина должна быть положена в художественное творение, перед художником стоит задача - наметить контуры некоей мифологии. Истина становится вопросом, придающим творению движение, но вопросом не в смысле философствующего вопрошания, а в смысле некоего качества событийности (Ereignisqualitat). Лишь благодаря этому художественное творение отличимо от артефакта или естественной вещи. Но едва лишь истина-вопрос приобретает вирулентность, как теологическое измерение перестает быть безотнотительным и становится актуальным. Нас, однако, в данном случае будет интересовать теологическое измерение не в имплицитном виде, как оно заложено в каждом художественном творении, а в виде эксплицитно-позитивном, как присутствие, и эксплицитно-негативном, как отсутствие, а также теологическое измерение как инкогнито. Прежде, чем перейти к примерам, я хотел бы с вынужденной краткостью - указать на одно понятие, под которым в эстетике обычно подразумевают эксплицитное теологическое измерение. Это понятие "возвышенного". Вы, вероятно, возразите мне - и с полным основанием, - что подобная тема предполагает прежде всего духовное искусство. На это можно ответить, что духовное искусство, как всем хорошо известно, вот уже несколько столетий находится в глубоком кризисе. Исключения встречались в Англии и Америке. Творчеством так называемых "метафизических поэтов", - я имею в виду Джона Донна, Джерарда Мэнли Хопкинса и Эмили Дикинсон, - разрыв между духовной и светской поэзией был во многом отсрочен. Поэзия этих "теологических" авторов не только ни в чем не следовала современной ей светской поэзии, но и в некоторых отношениях - как мы убедились сегодня - шла в авангарде своего времени. Сейчас подобного рода духовная поэзия больше не существует. Достаточно побывать в современных церквях, чтобы убедиться: духовное искусство - песнопение, икона - по большей части либо превратились в род ремесла, либо питаются запасами прошлых эпох. В чем же состоит нынешний кризис? Упрощая дело, можно сказать, что если благодать созидает на основании, составляемым природой, то бесспорно, что мы этой природы лишились. В силу своего механистического понимания природы, которое, в свою очередь, коренится в аскетичности нашего идеала, мы, взяв в союзники рационализм и технику, превратили природу (или то, что мы за нее принимаем) в постав. Это двуликое развитие, начиная с эпохи Ренессанса (двуликим я называю его потому, что оно, с другой стороны, способствовало раз-божествлению природы и привело к отделению целостности от трансцендентности) - развитие необратимое, ибо оно представляет собой эсхатологический факт, - привело в итоге к неизбежной смене парадигм, которую Ницше позднее обозначил как "переоценку всех ценностей". В наше время благодать уже не находит основания, на котором она могла бы созидать. Теперь, следовательно, ей нужно было бы начать творить природу заново. Иными словами: нужно вновь обрести такое понимание природы, которое было бы включено в понятие благодати. Природа стремится к слепому самовоспроизводству, - проявление этого можно наблюдать во всем. Последствия этого - как положительные, так и отрицательные - сказываются не только в утрате сексуальности или в возникновении экологического сознания, но также и в жажде этнического самоутверждения, т.е., собственно, национализме, который следует отличать от поиска национальной самоидентификации. По этой причине ценности благодати должны заново стать предметом поиска, снова быть истолкованы и названы. Между тем язык и мысль традиционных религий в значительной степени превратились в языковое и мыслительное представление. На такой почве возникновение подлинно духовного искусства невозможно.

Вернемся, однако, к понятию "возвышенного". Это понятие, заимствованное Лонгином у Платона, было им введено в философию и использовано сначала в риторике, а затем в поэтике. В течение последующих столетий оно бытовало, переходя от Эдмунда Берка и Иммануила Канта к американскому художнику Барнетту Ньюману и французскому философу Жану-Франсуа Лиотару, тем самым обнаружив свою полезность для описания, в эстетических категориях, эксплицитного теологического измерения в художественном творении - впрочем, речь скорее шла о теологическом измерении как таковом, пока еще лишенном специфически религиозного отпечатка. Понятие "возвышенного" находится в противоречии с понятием "прекрасного". Именно эта борьба с "прекрасным" и составляет, по-видимому, характерную черту эксплицитного теологического измерения. Чеслав Милаш называет это "борьбой с классическим началом". Однако борьба эта не направлена на искоренение прекрасного, скорее, ее цель, - поднять прекрасное на свойственную ему высоту. Это дало Мандельштаму право сказать: "Христианское искусство свободно. Оно является в подлинном смысле слова искусством для искусства". При этом в "возвышенном" (задержимся еще немного на этом понятии) теологическое измерение присутствует в модусе отсутствия. Платон в своем "Федре" устанавливает отношение между философом и горним богом, называя это отношение "небесным странствием окрыленной души к богам, после которого душа освобождается из плена человеческих стремлений". Так нам открывается характерная черта теологического измерения: это высота, небесное странствие. Для Лонгина возвышенное как средство возвышения души, достижения ею высокого настроения, есть условие удачной исполненности художественного творения, что он относит, правда, только к словесному творчеству. Эдмунд Берк, который в своих "Философских исследованиях о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного" (1757)